

Голландские офицеры в Российском Военно-морском флоте (вторая половина XVIII—начало XIX в.)

Исторические связи между Россией и Голландией постоянно находятся в поле зрения специалистов, однако в существующих исследованиях преобладает экономическая и культурная тематика. Есть мнение, что такая направленность историографии была задана еще первым капитальным трудом Я. Схелтемы¹ о взаимоотношениях двух стран, опубликованным в начале XIX в.: «Сосредоточив основное внимание на коммерческих делах голландских купцов в России, Схелтема обошел стороной постоянные политические контакты между двумя странами, чем положил начало одностороннему взгляду на русско-голландские отношения, не пересмотренному до настоящего времени»². Кроме того, имеется и определенная, ставшая уже привычной хронологическая схема в изучении связей Голландии и России: самым важным считается XVII в., далее от Петра I переходят сразу к XIX в., уделяя основное внимание нидерландской королеве Анне Павловне (1816–1865)³.

В последнее время, однако, в отечественной историографии просматривается тенденция к расширению тематики и хронологии в изучении русско-голландских отношений. Появились работы, посвященные роли России в политической истории Нидерландов 1810–1830-х годов⁴. В. Н. Захаров, ранее изучивший деятельность западноевропейского, в том числе голландского, купечества в России первой четверти XVIII в., исследовал ее и применительно ко второй половине столетия⁵. Вышла монография о внешней политике Республики Соединенных провинций первой половины XVIII в., появилась статья о дипломатических

отношениях Российской империи с Нидерландами в первое послепетровское десятилетие⁶. Изучается история голландских общин, обосновавшихся в русских городах, включая историю Голландской реформатской церкви⁷. Последнее направление удачно сочетается с работами Я. В. Велувенкампа, исследующего российско-голландские торговые отношения XVIII в. сквозь призму судеб отдельных предпринимателей⁸. Но при этом мало внимания привлекают пока уроженцы Голландии, состоявшие на русской государственной службе, военной и гражданской. За последнее время мы можем назвать лишь два биографических исследования: о «московском иноземце» А. А. Винуесе⁹ и К. И. Крюйсе¹⁰, который хотя и был норвежцем, но два десятилетия служил в голландском торговом флоте¹¹. Кроме того, П. А. Кротов обобщил статистические данные о службе выходцев из Республики Соединенных провинций в российском флоте на протяжении первой четверти XVIII в.¹²

Между тем отечественная источниковая база по различным аспектам российско-нидерландских отношений XVIII–XIX вв. весьма обширна¹³. Важное место в ней занимают хранящиеся в РГАВМФ документы, на которые голландские историки обратили внимание еще более ста лет тому назад¹⁴. Но используются они до сих пор не так полно, как того заслуживают. Это относится, на наш взгляд, и к содержащимся в фондах архива сведениям об иностранцах на русской службе. Последние всеми исследователями признавались постоянным фактором истории отечественного флота. Но роль голландцев, как и в целом иноземцев в России, «расценивалась историками... в контексте определенных концептуальных и политических пристрастий, а оценки были самыми разными, в том числе противоположными, которые к тому же менялись в течение времени...»¹⁵ Возможно, поэтому в отечественной историографии до сих пор отсутствуют монографические труды по данной тематике¹⁶.

Мы попытаемся осветить ранее специально не исследованную тему службы голландских офицеров в российских военно-морских силах второй половины XVIII—начала XIX в. Главной задачей при этом будет установление персонального состава данной национальной группы, что затруднено отсутствием в морском ведомстве особой структуры, занимавшейся службой иностранцев¹⁷. Поэтому их личности и деятельность приходится ус-

танавливать путем сплошного просмотра ежегодных списков офицерских чинов флота по старшинству, которые велись в Адмиралтейств-коллегии с середины 1760-х годов, и дальнейшей проверки по другим источникам¹⁸.

Известно, что уже в XVII в. в рядах русской армии находилось немало военных из Республики Соединенных провинций¹⁹. Последняя до Петра попытка строительства военных судов в 1660-е годы была предпринята при помощи голландских специалистов²⁰. По подсчетам Э. Филлипса, они заметно преобладали среди корабельных мастеров и офицеров Азовского флота²¹. П. А. Кротов выяснил, что и на Балтийском флоте в начале 1700-х годов голландские офицеры составляли большинство. Поэтому влияние морской традиции Республики Соединенных провинций на молодые русские военно-морские силы было весьма значительным. Например, голландский являлся языком общения в многонациональной флотской среде, именно на нем издавались первые уставные положения²². Морское законодательство Республики использовалось при выработке соответствующих российских нормативных документов²³. Кроме авторитета мощных нидерландских военно-морских сил XVII в. важную роль здесь играло хорошо известное сугубо личное пристрастие Петра I к Голландии и всему связанному с этой страной, а также то, что одним из организаторов и руководителей российского флота являлся тогда К. И. Крюйс.

К середине 1720-х годов доля иностранцев в российском морском офицерском корпусе резко упала²⁴. Этот естественный процесс, обусловленный планомерной подготовкой национальных кадров, продолжался и в последующие три десятилетия. Он практически не изучен, равно как и флотский офицерский корпус указанного времени в целом²⁵. Поэтому отметим лишь одну тенденцию, сохранявшуюся до конца XVIII в.: в годы активного реформирования военно-морских сил с целью повышения их боеспособности, при подготовке стратегических акций, где решающая роль отводилась флоту, велась целенаправленная организованная вербовка иностранных офицеров на русскую морскую службу.

Что касается голландцев, то в 1730–1740-х годах наблюдаем их вытеснение британцами из российских военно-морских сил. Это объясняется общей сменой полюсов морского могущества в Европе: по окончании войны за Испанское наследство (1701–

1714) трезубцем Нептуна прочно овладела Британия. Тем не менее, Республика Соединенных провинций тогда еще по-прежнему воспринималась как одна из двух традиционных морских держав²⁶. Русско-английские отношения в 1730–1740-е годы иностранные наблюдатели именовали не иначе как «задушевной дружбой, коя ныне меж двумя дворами царит», а «Республика Голландия, коя вот уже несколько лет как с Англией во всем заодно действует, при дворе русском также судьбу ее разделяет»²⁷. В 1730-х годах именно в этих странах Петербург через своих дипломатов проводил набор флотских специалистов для реформируемых применительно к новым задачам и возможностям империи военно-морских сил²⁸. Но если ход этого процесса в Британии уже изучался²⁹, то эпизод с попыткой найма опытных штурманов и боцманов в Голландии в 1740 г. еще ждет своего исследования³⁰.

Два елизаветинских десятилетия не отмечены какой-либо активностью государства в отношении иностранных офицеров на русской морской службе; по крайней мере, при нынешнем уровне изученности темы она не прослеживается. К 1762 г. из десятков голландских моряков, числившихся во флоте в начале столетия, оставалось лишь двое: капитан 2-го ранга А. Е. Шелтинг (Шелтинга) и капитан 1-го ранга И. Крюйс (Kruse)³¹. Но когда с середины 1760-х годов российское правительство вновь приступило к набору иностранцев во флот, предпочтение было отдано англичанам и датчанам³². К Республике Соединенных провинций уже не обратились, что не удивительно: ее военно-морские силы пребывали в состоянии стагнации, линейный флот с 1750-х годов фактически утратил боеспособность. Это стало следствием технической отсталости и фактического свертывания судостроения, отсутствия централизованной организации и даже постоянного офицерского корпуса. Только флагманы и командиры судов находились на постоянном жалованье, офицеры же призывались, когда судно вооружалось в кампанию, и формально увольнялись по ее окончании. Существовали пять независимых Адмиралтейств, подчинявшихся отдельным провинциям Республики. По сути, у ее военного флота осталась только громкая слава прошлого столетия. Причины такого положения дел коренились в общем упадке государства³³.

Тем не менее в 1770-х годах по крайней мере два морских офицера из Голландии сражались под Андреевским флагом в рус-

ско-турецкой войне (1768–1774), и оба на Черном море. Первым следует назвать, конечно, Яна Хендрика ван Кинсбергена, самого знаменитого голландского флотоводца второй половины XVIII—начала XIX в. Формально он состоял в русской службе с 1771 по 1777 г., но фактически находился в России до 1774 г. Именно под командованием Я.Х. ван Кинсбергена молодой Черноморский флот добился своих первых успехов в морских боях 1773 г. у Балаклавы и Суджук-Кале, за что будущий адмирал получил ордена Святого Георгия 4-го, а затем и 3-го класса³⁴. Его служба Екатерине II и последующие связи с Россией, несомненно, нуждаются в специальном тщательном изучении³⁵.

Вторым был некий граф Билан, за русским написанием фамилии которого угадывается голландское Биландт (Bijlandt или Bylandt). В свое двухлетнее (1774–1776 гг.) пребывание в российском флоте он занимал значительный пост командующего Дунайской флотилией в последний год войны с Турцией. Интригующим является утверждение «Общего морского списка» о том, что этот граф Билан погиб на дуэли в Петербурге в 1777 г.³⁶ Мы попытались уточнить сведения о нем по доступной литературе. Интересующий нас офицер должен был иметь довольно высокий чин уже в Голландии, так как на русскую службу его приняли капитаном 1-го ранга и спустя всего две недели произвели в капитаны бригадирского ранга (младший флагманский чин, соответствовавший капитан-командору).

Среди разветвленного графского рода ван Биландтов³⁷, многие представители которого в XVIII—начале XIX в. имели высокие звания в нидерландских армии и флоте, для нас в этой связи наиболее интересен Лодевик ван Биландт-Хальт (1718–1793). Он стал морским офицером в 1736 г., в 1768 г. командовал кораблем голландского флота, а с 1776 г. в чине контр-адмирала — уже эскадрой³⁸. Менее вероятно, что речь идет о племяннике Лодевика по имени Фредерик Сигизмунд (1749–1824), смолоду вступившем в морскую службу и в 1777 г. служившем офицером в эскадре Я.Х. ван Кинсбергена у берегов Марокко³⁹. Но в биографических справочниках нет сведений об их пребывании в России, да и умерли оба на родине. Следовательно, либо был еще один граф ван Биландт, либо упомянутые издания содержат неполные сведения. Более вероятным кажется второе, но в любом случае вопрос требует дальнейшего исследования.

Замечательный сам по себе факт присутствия двух названных выше офицеров в российском флоте 1770-х годов следует, однако, расценивать скорее как признак устойчивых российско-прусских, чем собственно российско-голландских политических связей. Известно, что Я. Х. ван Кинсберген поступил на русскую службу благодаря протекции пребывавшего в Петербурге принца Генриха Прусского и посла Фридриха II графа В. фон Сольмса⁴⁰. Екатерина II в 1770-х годах состояла в тесном союзе с Фридрихом, Голландия же тогда находилась в сфере прусского влияния благодаря последним двум штатгальтерам — Вильгельму IV и Вильгельму V из рода князей Нассау-Диц и пятнадцатилетнему регентству принца Людвиг Эрна Брауншвейгского⁴¹.

Иная ситуация сложилась во второй половине следующего десятилетия. С одной стороны, Россия в 1787 г. оказалась в состоянии войны с Турцией, а на следующий год и с Швецией. При этом вооруженным силам империи традиционно не хватило мирного времени на подготовку, и пришлось экстренно решать создавшиеся проблемы, среди которых одной из основных являлась нехватка опытного командного состава. Особенно она ощущалась в военно-морских силах — как бурно развивавшихся под руководством Г. А. Потемкина черноморских, так и резко увеличенных в связи с войной балтийских. Поэтому в Петербурге срочно прибегли к испытанному способу — приглашению на службу иностранных офицеров, прежде всего, конечно, британских. Но были рады и любым другим, поскольку ситуация складывалась гораздо более напряженная, чем в предыдущую русско-турецкую войну 1768–1774 гг. Между тем, несмотря на общий значительный упадок голландского флота в XVIII в., о чем говорилось выше, его офицерский корпус имел огромный опыт в плаваниях по колониям Республики, раскинувшимся на всех континентах земного шара⁴². Война же на море 1780–1784 гг. с Великобританией хотя и принесла голландским морякам гораздо больше неудач, чем успехов, но дала возможность приобрести бесценный боевой опыт⁴³.

С другой стороны, Республику Соединенных провинций в 1780-х годах сотрясали внутривнутриполитические катаклизмы, вызванные борьбой патриотической и оранжистской партий, окончившейся изгнанием в 1787 г. штатгальтера Вильгельма, а затем восстановлением его при помощи прусских штыков⁴⁴. Это не при-

несло успокоения стране и способствовало процессу, хорошо известному на примере любого государства, переживавшего период революционной нестабильности: исход специалистов из любых областей, включая военную. Сочетание всех указанных причин привело к тому, что на рубеже 1780–1790-х годов в российский флот поступило наибольшее со времен Петра Великого число голландских офицеров. До сих пор в историографии об этом лишь кратко упоминалось⁴⁵. Правда, в абсолютных цифрах голландцев было, конечно, неизмеримо меньше, чем в первой четверти XVIII в., и они значительно уступали тогда же принятым на службу британцам.

О Я. Х. ван Кинсбергене вспомнили сразу после не совсем удачных действий Черноморского флота в начале войны с Турцией. Осенью 1787 г. князь Г. А. Потемкин писал с юга Екатерине II: «...Кинсберген по нашей службе старше всех здешних необходимо надобен для командования. Наши ежели знают, то теорию, практикованы мало. Ядрами же почти никто не стрелял, кроме двух кораблей в прошедшую войну. Мне истинно флот по теперешнему состоянию больше в тягость, нежели на пользу... Ежели бы Кинсберген мог побольше привести офицеров искусных, хорошо бы было»⁴⁶. В январе—марте 1788 г., во время напряженной подготовки корабельного и гребного флотов к предстоявшей кампании, Г. А. Потемкин неоднократно напоминал императрице о желательности прибытия голландского адмирала, а она подробно сообщала князю о ходе переговоров с ним⁴⁷. Непосредственные контакты с Я. Х. ван Кинсбергеном осуществлял находившийся в Западной Европе граф И. Г. Чернышев, который и в предшествующие годы поддерживал отношения с голландцем⁴⁸. Но последний так и не смог вновь поступить на российскую службу, будучи вовлечен в политические события на родине. Именно по этой причине, как видно из переписки Екатерины и Потемкина, для командования морскими силами под Очаковым в кампании 1788 г. пришлось пригласить принца К. Г. Нассау-Зигена и американца Д. П. Джонса⁴⁹.

Достоверно известно по крайней мере об одной рекомендации, данной Я. Х. ван Кинсбергеном голландскому офицеру для поступления на службу в российский флот. Этому человеку, Яну Хендрику де Винтеру, в истории не повезло: «Общий морской список» не указывает даже его имени, нет и точной даты кончи-

ны⁵⁰. Между тем судьба Яна Хендрика и его брата Яна Виллема могла бы стать сюжетом для романа. Оба были офицерами морской пехоты Республики, отличились в войне с англичанами, затем участвовали в событиях 1787 г. После восстановления штат-гальтера Я. В. де Винтер уехал во Францию, до 1795 г. доблестно воевал в рядах республиканской армии, затем занимал высокие командные посты в войсках Батавской республики, а с 1806 г. являлся командующим вооруженными силами и маршалом Голландского королевства, графом наполеоновской империи. Совершив много сухопутных и морских кампаний во главе голландских войск и эскадр, сражавшихся на стороне Франции, Ян Виллем скончался в Париже в 1812 г. и похоронен в Пантеоне⁵¹.

Его брат в том же 1787 г. уехал в Англию, откуда с рекомендацией Я. Х. ван Кинсбергена отправился в Петербург и был принят на русскую службу капитаном 2-го ранга. В марте 1788 г. Яна Хендрика назначили в Черноморский гребной флот под командованием принца Нассау-Зигена, причем Г. А. Потемкин в своем ордере специально оговорил: «... между офицерами капитану 2 ранга Винтеру дать галеру или другое судно»⁵². Полагаем, здесь сыграла свою роль заочная протекция Я. Х. ван Кинсбергена. Принц Нассау-Зиген поручил Я. Х. де Винтеру командовать отрядом гребных судов на Очаковском лимане. Здесь голландец угодил в эпицентр столкновения уязвленных новыми назначениями офицерских амбиций, выразившихся, в частности, в публичном заявлении одного из подчиненных: «Ничто не заставит его иметь дело с таким иностранцем, как Винтер»⁵³. Впрочем, начало боевых действий несколько погасило страсти. Ян Хендрик отличился в сражениях лета 1788 г. против турок под Очаковом и был пожалован орденом Святого Георгия 4-го класса⁵⁴. Когда Екатерина II в августе 1788 г. высказала желание направить в действовавший против шведов Балтийский гребной флот наиболее опытного старшего офицера с юга, Г. А. Потемкин «положил послать лучшего капитана флотского Винтера, но он занемог»⁵⁵.

Особый акцент следует сделать на признании заслуг голландца А. В. Суворовым, поскольку для россиян авторитетность его суждения о любом офицере сопоставима по значимости с мнением Наполеона для западноевропейцев. В 1788 г. генерал-аншеф А. В. Суворов командовал частью войск под Очаковом, ему же в начале кампании подчинялась гребная флотилия, и в апреле

он специальным письмом, «говоря о храбрости господина Винтера... лично просил включить Винтера в списки отличившихся...»⁵⁶

Кампанию 1789 г. произведенный за отличие в капитаны 1-го ранга Ян Хендрик встретил уже на Балтике, где был назначен одним из трех старших офицеров в гребной флот под начальством тоже переведенного с Черного моря принца Нассау-Зигена. Последний рекомендовал его вице-адмиралу А. И. Крузу «как человека, который пользуется моей полной доверенностью... Я могу уверить вас, что вы вполне на него можете полагаться как на офицера, в котором большие способности соединяются с самой блестящей храбростью»⁵⁷. Голландец полностью оправдал эту высокую оценку, в кратчайшие сроки приведя в боеспособное состояние свою гребную эскадру и отличившись с нею в первом Роченсальмском сражении 13 августа 1789 г., за что был произведен в капитаны бригадирского ранга, получил крупное денежное пожалование и ежегодный пенсион⁵⁸. Но воспользоваться им моряк не успел. Оказавшийся во время этого боя на флагманском фрегате русский артиллерийский офицер С. А. Тучков вспоминал: «Я увидел множество тяжело раненных чиновников, в том числе был почтенный бригадир Винтер, отличившийся во многих морских сражениях. Он лишился в сем деле правой руки, от чего и умер на третий день»⁵⁹.

Известны по крайней мере еще пятеро голландских офицеров, поступивших на русский флот в 1788–1790 гг. Их судьбы сложились по-разному. «Голландской морской службы поручик» Иван Адамович Пиллиснер, принятый высочайшим указом от 2 марта 1788 г. в капитан-лейтенанты, отличился, командуя гребными судами в войне со шведами, был удостоен ордена Св. Георгия 4-го класса и произведен в капитаны 2-го ранга «за службу, труды и храбрые подвиги». Затем он командовал кораблями Балтийского флота, а в 1798 г. получил звание капитана 1-го ранга и был определен на должность обер-форштмейстера, то есть чиновника, наблюдавшего за состоянием корабельных лесов, «с исключением из флота»⁶⁰. На этом сведения о голландце в «Общем морском списке» обрываются, но, согласно императорскому указу от 3 декабря 1799 г., «Вятской губернии обер-форштмейстер коллежский советник Пильлиснер» получил назначение советником в Лесной департамент Адмиралтейств-коллегии, числясь по списку адмиралтейских чинов Балтийского флота⁶¹.

Ведение корабельными лесами в России часто переходило от одной государственной структуры к другой: в 1763–1782 гг. это была Интендантская экспедиция Адмиралтейств-коллегии, затем местные казенные палаты, с 1798 г. специально созданный департамент той же экспедиции, после ее ликвидации в 1802 г. — Департамент государственных имуществ Министерства финансов⁶². Полагаем, в документах этого последнего ведомства и следует искать сведения о дальнейшей судьбе И. А. Пиллисиера.

В отличие от него, Вильгельму Карловичу Римшнейдеру чем-то особенным выделиться на русской службе не довелось. Поступив весной 1788 г. «из голландских волонтеров» в мичмана, он в первом же сражении со шведами угодил в плен на корабле «Всеволод». Получив по возвращении чин лейтенанта, В. К. Римшнейдер служил на Балтике, не выбираясь дальше Финского залива, пока 10 августа 1802 г., «быв в болезни», не скончался⁶³. О его соотечественнике Шурмане (Schurman) в русском справочнике приведена лишь дата официального зачисления на службу — 28 сентября 1788 г.⁶⁴ Биографию этого офицера, начиная с имени, еще предстоит восстановить, но на его примере мы можем показать, каким образом голландцы поступали тогда в российский флот.

Итак, 20 июня 1788 г. посол в Гааге С. А. Колычев написал статс-секретарю Екатерины II А. А. Безбородко следующее письмо: «Здесьнего флота поручик, именуемый Шурман, оставя службу, желает вступить в российскую, и в сем намерении предпринял ехать в С.-Петербург, прося меня снабдить его письмом, дабы он мог иметь честь представиться вашему сиятельству, на что я тем охотнее поступил, что об нем дано мне доброе свидетельство от здешних морских офицеров». Прибыв в Северную Пальмиру, голландец обратился в канцелярию А. А. Безбородко с соответствующим прошением, приложив к нему письмо С. А. Колычева, записку с изложением обстоятельств предшествующей службы, а также рекомендательное письмо одного из офицеров флота Республики. Дело было доложено императрице, которая, как писал 11 сентября А. А. Безбородко вице-президенту Адмиралтейств-коллегии И. Г. Чернышеву, «указать мне изволила препроводить его к вашему сиятельству для определения по его желанию». И. Г. Чернышев объявил высочайший указ коллегии, и Шурман был зачислен в российский флот лейтенантом⁶⁵.

Многочисленные архивные документы подтверждают, что путь по цепочке посол — личная канцелярия императрицы — Адмиралтейств-коллегия был стандартным для поступавших в 1780–1790-х годах на русскую морскую службу иностранных офицеров. Посол либо сам искал таких, руководствуясь высочайшим поручением, либо предварительно рассматривал кандидатуры обратившихся к нему людей⁶⁶. Канцелярия статс-секретарей во второй половине екатерининского царствования фактически являлась высшим государственным учреждением, в котором рассматривались дела по всем отраслям управления, требовавшие высочайшего внимания, включая вопросы прохождения службы офицерами⁶⁷. Наконец, коллегия обычно лишь фиксировала и оформляла по существующим правилам содержание императорских указов.

Именно этим путем прошел зачисленный в июне 1789 г. «из голландской службы в Балтийский флот» мичманом уроженец Амстердама Андрей (Арий) Михайлович Пильгарт. Он успел получить лейтенантский чин за отличие в первом Роченсальмском сражении 13 августа того же года, но при втором Роченсальме 28 июня 1790 г. галера, которой командовал Пильгарт, была потоплена, и голландец попал в плен. После возвращения он нес обычную офицерскую службу на кораблях Балтийского флота, не попадая в «дальние вояжи», и десять лет дождался следующего чина. Став в 1801 г. капитан-лейтенантом, А. М. Пильгарт четыре года командовал брандвахтой во внутренней гавани Кронштадта, потом перешел уже было на береговую должность советника при порте, но в 1807 г. получил назначение командиром транспорта «Вильгельмина». Это судно вместе с фрегатом «Спешный» отправлялось к эскадре вице-адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземное море. Но первый дальний поход А. М. Пильгарта окончился крайне неудачно: в связи с разрывом русско-английских отношений после Тильзитского мира 1807 г. оба судна были захвачены в Портсмуте британским флотом. Эта скандальная история (на фрегате находилась крупная сумма в звонкой монете — казна эскадры) обернулась для капитан-лейтенанта двухлетним пребыванием в плену.

25 октября 1809 г., «в день пятидесятилетия правления английского короля даровал свободу», и А. М. Пильгарт направился в Россию, но, вынужденный зимовать в гольштинском городе

Флейсбурге, прибыл в Петербург лишь в мае 1810 г. По утверждению самого голландца, только там он узнал, что еще в 1808 г. его заочно исключили из службы «за неисправность». Впрочем, А. М. Пильгарт быстро был восстановлен в чинах, хотя с тех пор в море больше не выходил. Сначала он командовал гребным экипажем, затем с 1812 по 1816 г. был капитаном над портом в Або (Турку), а в 1817–1824 гг. на той же должности в крепости Свеаборг (Хельсинки). Начиная тогда под командой А. М. Пильгарта службу молодой офицер позднее вспоминал, что это был «высокий, худощавый, несогбенный старик... гордый, но прямодушный... старый, почтенный голландец»⁶⁸. После возвращения из плена Андрей Михайлович неизменно состоял под началом своего соотечественника Л. П. Гейдена и, судя по всему, пользовался его покровительством. В русское подданство А. М. Пильгарт вступил только в 1812 г. Последние годы жизни он провел в Кронштадте, «в причислении» к конторе над портом (но не в отставке!). Там капитан 1-го ранга и скончался 3 мая 1829 г. Прослужив в российском флоте дольше всех из шестерых голландских обер-офицеров, пополнивших его ряды в годы русско-шведской войны, А. М. Пильгарт получил свои два ордена за отличие по службе только в 1817 и 1819 гг.⁶⁹

Известно, что основным, а для XVIII — первой четверти XIX в. наиболее доступным источником сведений об офицерах российского флота является уникальный «Общий морской список»⁷⁰. История его создания недостаточно изучена; это относится и к авторству⁷¹. Уже отмечалось, что «сведения “Общего морского списка”, будучи далеко не полными, не в состоянии представить реальную картину» состояния офицерского корпуса в первой четверти XVIII в.⁷² Применительно к более поздним эпохам тоже встречается довольно много ошибок, пропусков, особенно в отношении иностранцев.

Так, в ОМС нет прибывшего в Петербург подобно Шурману с рекомендацией С. А. Колычева «голландского флота поручика Гюммелинга, желающего вступить в здешнюю службу», которого А. А. Безбородко по указу императрицы от 3 октября 1788 г. направил И. Г. Чернышеву «для определения ево по желанию»⁷³. Не обнаружив пока сведений о дальнейшей судьбе этого офицера и в архивных документах, мы не можем сообщить о нем что-либо в настоящей статье. Но вот другой голландец был принят

составителями (или составителем) «Общего морского списка» за двух разных людей. Источник ошибки кроется в транслитерации фамилии⁷⁴. Из письма А. А. Безбородко к И. Г. Чернышеву от 3 октября 1790 г. следует, что императрица указала принять на службу капитан-лейтенантом «голландского флота старшего лейтенанта Вандерса»⁷⁵. Адмиралтейств-коллегия на следующий день заслушала это распоряжение, согласно которому офицера следовало «препроводить в Черноморский флот, и на проезд выдано будет ему из кабинета 100 червонных»⁷⁶.

Никаких иных сведений об этом Карле Вандерсе составители «Списка» не обнаружили, кроме упоминания о пребывании его в составе Черноморского флота в 1797 г.⁷⁷ Такая ситуация не удивительна, поскольку с начала 1780-х годов и до воцарения Павла I (1796) военно-морские силы на юге России вообще не имели отношения к ведомству Адмиралтейств-коллегии, состоя в непосредственном подчинении Г. А. Потемкину, а затем П. А. Зубову. При этом личный состав Черноморского флота никак не отражался в документации, которую вели в Петербурге. Но в «Списке» учтен и принятый из голландской службы Карл Яковлевич фон Дирс (или Дейрс)⁷⁸, причем зачислен он на службу днем позже К. Вандерса — 4 октября 1790 г.⁷⁹. Вся карьера К. Я. фон Дирса в России прошла в составе Черноморского флота. Наконец, отыскалось и иное написание его фамилии — ван (то есть ван) Деерс. На наш взгляд, можно вполне уверенно утверждать, что Вандерс и фон Дирс — одно и то же лицо. К. ван Деерс в 1791 г. участвовал в сражении против турок при Калиакрии в эскадре адмирала Ф. Ф. Ушакова, затем командовал судами, совершая ежегодные плавания по Черному морю, был в знаменитой Средиземноморской экспедиции Ф. Ф. Ушакова 1798–1800 гг. Получив весной 1801 г. чин капитана 2-го ранга, голландец командовал фрегатами и скончался в Севастополе 18 марта 1804 г.

С середины 1790-х годов и до окончания наполеоновских войн отношения России и Голландии определялись тем, что последняя прочно вошла в орбиту влияния Франции, поначалу как «дочерняя» Батавская республика, с 1806 г. — королевство, а после 1810 г. и как составная часть империи⁸⁰. Между государствами подолгу отсутствовали официальные дипломатические отношения, не говоря уже о войнах, первая из которых произошла в 1798–1799 гг. Но еще при Екатерине II, в ответ на аресты батав-

скими властями купеческих судов под русским флагом, в Петербурге по высочайшим указам дважды, в 1793 и 1795 гг., задерживались голландские торговые суда. Причем 20 мая 1796 г. было объявлено о запрете судам под батавским флагом впредь входить в российские порты⁸¹. Все это оставляло возможность для поступления на русскую службу лишь одной категории голландцев — политическим эмигрантам (таким же, какими были французские роялисты). Таких моряков оказалось трое.

Капитана Яна Олпхерта Валльяна (Vaillant) и лейтенанта Лодевика ван Гейдена (van Heiden) одновременно зачислили в российский флот соответственно капитаном бригадирского ранга и капитан-лейтенантом по высочайшему повелению, состоявшемуся 10 ноября 1795 г. Это не было совпадением: оба эмигрировали после участия в авантюрном приключении вполне в духе А. Дюма-отца — они спасли штатгальтера Вильгельма V и его сыновей от стремительно наступавших французских войск, вывезя их из-под носа республиканцев на судне в Британию. Сорокачетырехлетний Я. О. Валльян был опытейшим моряком: плавал в Ост- и Вест-Индии, Средиземном море, сражался под командованием Я. Х. ван Кинсбергена с англичанами. В России он сначала служил в гребном флоте на Черном море, в 1797 г. был произведен Павлом I в контр-адмиралы и командовал эскадрами на Балтике. С января 1799 г. Я. О. Валльян одновременно являлся директором только что созданного в Кронштадте Штурманского училища. Голландца уволили со службы по болезни 28 июня 1800 г., а 17 октября того же года он скончался в Риге⁸². Увы, можно безоговорочно присоединиться к мнению А. Фрейганга, автора единственного очерка о контр-адмирале на русском языке, о том, что «если сведения голландского биографа о Валльяне скудны и более похожи на неполный и сухой формулярный список, чем на жизнеописание, то мы, русские, о его жизни и службе в нашем флоте до сих пор ничего не знаем...»⁸³

Тот же автор предположил, что письма Я. О. Валльяна могут находиться среди бумаг Л. П. Гейдена. Действительно, этих офицеров объединяло многое и помимо приверженности Оранскому дому. Оба происходили из знатных семейств: Я. О. Валльян был сыном пенсионария одной из провинций, а род ван Гейденов держал в своих руках бразды правления провинцией Оверейссел, был одним из самых приближенных к дворам по-

следних штатгальтеров⁸⁴. Под командованием Я. О. Валльяна в 1790 г. Л. П. Гейден начинал офицерскую службу. Известно, что последний вплоть до кончины Я. Х. ван Кинсбергена состоял с ним в переписке⁸⁵. Поэтому можно надеяться и на обнаружение документов, которые позволят пролить свет на биографию Я. О. Валльяна, «основываясь на убеждении, что для занимающихся историей флота недостаточно знать одну служебную сторону моряка, но что они должны быть знакомы и с его личностью как подчиненного, товарища и начальника вообще и как человека в особенности...»⁸⁶

Граф Логгин Петрович Гейден (1772–1850) сделал в России самую блестящую карьеру среди всех иностранных морских офицеров, служивших в послепетровское время, кроме, быть может, С. К. Грейга. Обстоятельства жизни победителя в Наваринском сражении 1827 г., основателя флотской династии, давшей целый ряд видных военных и государственных деятелей, достаточно хорошо известны⁸⁷, и остается лишь пожалеть об отсутствии надежного биографического исследования о нем. Поэтому остановимся только на одном аспекте — принятии Л. П. Гейденом российского подданства в 1810 г. Предыдущие пятнадцать лет он служил, не являясь подданным императоров, как и практически все офицеры-иностранцы. Но в 1810 г. Голландия была включена в состав Франции в виде нескольких департаментов и ее собственная государственность ликвидирована⁸⁸. Командовавший в то время гребной флотилией, которая охраняла берега Финляндии от нападений англичан, капитан 1-го ранга Л. П. Гейден 1 августа направил в Морское министерство письмо, испрашивая в связи с событиями на родине разрешения на вступление в российское подданство, с сохранением графского титула Священной Римской империи Германской нации. Просьба была доложена императору, и 20 августа из Департамента морского министра на имя министра юстиции И. И. Дмитриева ушла бумага, в которой сообщалось о высочайшем согласии и поручении произвести все необходимые формальности. Спустя четыре дня об этом было сообщено самому Л. П. Гейдену⁸⁹. Но решение Александра I содержит две любопытные особенности, представляющие интерес для истории процесса «натурализации» иностранных офицеров в России.

Во-первых, в черновике составленного в Департаменте письма И. И. Дмитриеву есть вычеркнутая позднее фраза о том, что его величество разрешил принять Л. П. Гейдена в подданство «с тем, что он приемлет и греко-российскую веру»⁹⁰. Такое требование к иностранным морским офицерам, приносившим присягу на подданство, ранее определенно не встречалось и явилось александровского времени⁹¹. Здесь уместно привести наблюдение В. М. Безотосного о существовании тогда в высших военных кругах двух культурно-религиозных центров: немецко-реформатского и русско-православного. «Для европейца, делавшего генеральскую карьеру в России, реально были открыты только два пути: или примкнуть к остзейцам в силу языковой и религиозной близости, или приобщиться к православию, что всячески поощрялось, но в те времена еще не стало заурядным явлением...»⁹² Очевидно, мы имеем дело с попыткой уделявшего большое внимание религиозным вопросам императора подтолкнуть процесс во втором направлении. Выбор объекта воздействия мог объясняться тем, что Л. П. Гейдену было некуда деваться: родины как самостоятельного государства уже не существовало. То, что от выдвижения этого условия все же отказались, скорее всего, было вызвано опасением перед возможными негативными последствиями столь резкого нарушения традиции, ведь свобода вероисповедания гарантировалась еще манифестом Петра I 1702 г. «О вызове иностранцев в Россию».

Во-вторых, Александр I велел принять решение о сохранении Л. П. Гейдену имперского графского достоинства «по рассмотрении прав его на оное и по соображению законных на такие случаи постановлений». В отличие от перемены подданства дело о титуле затянулось на целый год и высочайший указ с разрешением его сохранить состоялся 24 сентября 1811 г. Но только в 1836 г. Л. П. Гейден был внесен в матрикулу — особый список остзейских титулованных родов⁹³. Это позволяло одновременно быть германским имперским графом и формально войти в состав титулованного дворянства Российской империи (но не русско-го)⁹⁴. Однако интересно выяснить, на каких правах графский род Гейденов существовал первые четверть века своего пребывания в российском подданстве, особенно в сравнении с актами Павла I по включению имевших иностранные титулы родов в состав русского дворянства⁹⁵ и политикой в отношении представите-

лей эмигрировавших и принимавших подданство империи представителей французских титулованных дворянских фамилий⁹⁶. Д. Н. Копелев, уделивший в своих работах Л. П. Гейдену немало места, ограничился констатацией факта высочайшего разрешения на ношение титула⁹⁷. Между тем в РГАВМФ отложился ряд документов по этому делу⁹⁸.

В истории с принятием Л. П. Гейдена в российское подданство просматривается ужесточение политики по отношению к иностранцам на русской службе с целью ликвидации их особых прав. Указанная тенденция, вызванная общей трансформацией менталитета российского общества в первое двадцатилетие XIX в., повлияла и на судьбу последнего из голландских офицеров, поступивших на русскую службу в это время. «Голландской службы капитан» Антони Корнелис (Корнилий Абрамович) Твент (Twent) был принят по высочайшему повелению капитаном 2-го ранга в Балтийский флот 13 июня 1805 г. и сразу назначен командиром корабля «Всеволод»⁹⁹. Он тоже принадлежал к группе морских офицеров-оранжистов. А. К. Твент родился в 1771 г., с 1784 г. служил на флоте, в 1788–1793 гг. плавал лейтенантом под начальством Я. О. Валльяна, своего наставника. Оказавшись в эмиграции в Англии, он до 1802 г. сражался на море против французов и республиканцев под флагом штатгальтера.

После заключения Амьенского мира (1801) между Великобританией и наполеоновской Францией А. К. Твент вернулся на родину, но вскоре вспыхнула новая война с Англией (1803), вот тогда должны были начаться боевые действия против Австрии и России, в Голландии готовилось восшествие на престол Людовика Бонапарта. Тогда моряк, отказавшись служить в фактически подчиненном императору французов флоте, отправился в Петербург. Очевидно, этому шагу А. К. Твента предшествовала договоренность на высшем уровне, поскольку Александр I распорядился оплатить расходы за переезд из Гааги¹⁰⁰. Но в России офицер оставался недолго. В 1806 г. А. К. Твент был переведен с Балтики на Черное море. На юге капитан 2-го ранга в 1807 г. командовал кораблем «Правый», действуя в составе Черноморского флота против турок. Но когда в 1808 г., после Тильзитского мира и начала войны России с Англией, петербургские власти стали отстранять от должностей офицеров флота — выходцев из Великобритании¹⁰¹, А. К. Твент не считал для себя возможным

остаться под Андреевским флагом и возвратился в Голландию. Там он служил королю Людовику Бонапарту, затем Вильгельму I и скончался в 1852 г.

Согласно данным Д. Н. Копелева, на 1812 г. в российском морском ведомстве служило семеро голландцев. Таким образом, они уступали по численности немцам, британцам, шведам, французам и датчанам, опережая только итальянцев и американцев¹⁰². Правда, подсчет производился исследователем по спискам из «Дела о учинении разбора о всех вообще иностранцах, по ведомству морскому служащих» 1812 г. и включил в себя врачей, преподавателей, мастеров, бухгалтеров и так далее¹⁰³. Голландских офицеров на тот момент в российском флоте состояло лишь двое — А. М. Пильгарт и Л. П. Гейден, причем последний не попал в вышеуказанные списки, так как формально являлся уже полноправным остзейским подданным империи. Для сравнения скажем, что в действующей русской армии 1812 г. было четыре генерала из голландских офицеров¹⁰⁴: П. К. Сухтелен и С. Л. Радт поступили на службу в 1780-х годах, а М. Н. Гартинг и Ф. В. Тейль ван Сераскеркен — в 1803 г.¹⁰⁵

Таким образом, нами точно выявлены одиннадцать голландских морских офицеров, поступивших на службу в российский флот во второй половине XVIII—начале XIX в. Следует отметить ряд особенностей, отличавших этих голландцев от офицеров других национальностей. Большинство принадлежало к старинным морским родам Республики Соединенных провинций, многие имели знатное происхождение, еще на родине были связаны дружескими, а порой и родственными узами¹⁰⁶. Можно предполагать, что определенное влияние на процесс поступления голландцев в российскую морскую службу того времени оказывал авторитет личности Я. Х. ван Кинсбергена. Исходя из имеющейся отечественной источниковой базы, нам кажется вполне реальной задача полного изучения карьер этих офицеров в России, путей и условий их поступления на службу, обстоятельств пребывания в ней, натурализации, семейно-родственных и патронажных связей. С честью послужив Андреевскому флагу в многочисленных войнах конца XVIII—начала XIX в., они достойны нашей памяти не менее тех голландцев, которые стояли у истоков русского флота в эпоху Петра Великого.

¹ *Scheltema J.* Rusland en de Nederlanden beschouwd in derzelver wederkeerige betrekkingen. Amsterdam, 1817–1819. D. I–IV.

² *Белов М. И.* Россия и Голландия в последней четверти XVII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв.: (Экономика, политика и культура). М., 1966. С. 59.

³ См., напр.: *Naarden B.* Dutchmen and the European Image of Russia Before 1917 // *Russians and Dutchmen: Proceedings of the Conference on the Relations Between Russia and the Netherlands from the 16th to the 20th Century Held at the Rijksmuseum Amsterdam, June 1989: Essays* / Ed. by J. Braat et al. Groningen, 1993. P. 1–19; *Кедров Н. Н.* Под парусами согласия: 400 лет содружества России и Нидерландов. Вологда, 1997.

⁴ *Рогинский В. В.* Россия и освобождение Нидерландов от наполеоновского господства // Новая и новейшая история. 1985. № 5. С. 45–61; *Намазова А. С.* Российские послы о бельгийской революции 1830 года // Россия и Европа: Дипломатия и культура. М., 1995. С. 79–88; *Козлов С. А.* Голландия в российской печати первой половины XIX в. // Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997. С. 50–59; *Собко Е. М.* Россия и образование Нидерландского королевства // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 144–149.

⁵ *Захаров В. Н.* 1) Западноевропейские купцы в России: Эпоха Петра I. М., 1996; 2) Иностранцы купцы в Архангельске при Петре I // Архангельск в XVIII веке / Сост. и отв. ред. Ю. Н. Беспятых. СПб., 1997. С. 181–209; 3) Иностранцы купцы в Архангельске во второй половине XVIII в. // Русский Север и Западная Европа / Сост. и отв. ред. Ю. Н. Беспятых. СПб., 1999. С. 360–387; 4) Голландские купцы в Архангельске и торговые связи Русского Севера и Нидерландов во второй половине XVIII века // Нидерланды и Русский Север в XVI–XX вв.: Сб. тезисов и докладов международной научной конференции. Архангельск, 1999. С. 29–33.

⁶ *Шатохина-Мордвинцева Г. А.* Внешняя политика Нидерландов 1713–1763 гг.: Становление голландского нейтралитета. М., 1998; *Собко Е. М.* Нидерланды во внешнеполитической стратегии России в 1725–1730 гг. // Вопросы истории. 2001. № 11–12. С. 139–143.

⁷ *Овсянников О. В., Ясински М. Э.* Голландцы: «Немецкая слобода» в Архангельске XVII–XVIII вв. // Архангельск в XVIII веке. С. 108–180; *Ковригина В. А.* Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII—первой четверти XVIII в. М., 1998; *Попова Л. Д.* Голландские жители Архангельска в XVII—начале XX века // Нидерланды и Русский Север в XVI–XX вв. С. 9–14; Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге: (1717–1927). СПб., 2001.

⁸ *Велузенкамн Я. В.* 1) Голландские купцы и их роль в торговле с Архангельском в XVII–XVIII вв. // Архангельск в XVIII веке. С. 99–107; 2) Торговая деятельность амстердамского купца Давида Леу в Архангельске в 1712–1724 гг. // Там же. С. 210–227; 3) Потеха в Немецкой слободе: Голландский архангелогородец Хендрик ван Евер и его окружение в первой половине XVIII в. // Русский Север и Западная

Европа. С. 341–359; *Vetluwenkamp J. W.* Archangel: Nederlandse ondernemers in Rusland 1550–1785. Groningen, 2000.

⁹ *Милюков С. Г.* Думный дьяк Андрей Андреевич Вinius — государственный деятель России второй половины XVII—начала XVIII веков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

¹⁰ Адмирал Корнелиус Крюйс: Материалы семинаров: Санкт-Петербург, 9 декабря 1994 г.; Ставангер, 16 февраля 1995 г.

СПб., 1995; Корнелиус Крюйс: Адмирал Петра Великого. Ставангер; М.; СПб., 1998.

¹¹ См.: *Tiltestad T.* Tsarens admiral: Cornelius Cruys i Peter den stores tjeneste. Stavanger, 1999.

¹² *Кротов П. А.* Голландские моряки в русском флоте при Петре I // Россия и Голландия: 300 лет сотрудничества: Тезисы международной научно-практической конференции. М., 1995. С. 31–33.

¹³ В последнее время увидели свет реестры документов по русско-голландским отношениям: Документы о связях России и Нидерландов в фондах Российского государственного архива древних актов: Справочник. М., 1999. Ч. 1; Связи Российского императорского дома с Королевским домом Нидерландов: (В документах Российского государственного исторического архива). СПб., 1999. См. также обзор источников по истории Нидерландов XVIII в. в Архиве внешней политики Российской империи и информацию о коллекции копий донесений голландских представителей в России XVII–XVIII вв. в Архиве СПбФ ИРИ РАН: *Шатохина-Мордвинцева Г. А.* Внешняя политика Нидерландов 1713–1763 гг. С. 121–138; Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории. М.; Л., 1958. С. 396–397.

¹⁴ См.: *Uhtenbeck C.* Verslag aangaande een onderzoek in de archieven van Rusland ten bate der Nederlandsche geschiedenis. s'Gravenhage, 1891. В этом труде наряду с перечнями документов приведены и выдержки из хранящихся в архиве писем российского представителя в Голландии ван Олдекопа вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу И. Г. Чернышеву за 1780-е годы.

¹⁵ *Ковригина В. А.* Немецкая слобода Москвы и ее жители... С. 6. См. там же (с. 6–16) обзор историографии об иноземцах в России XVII—первой четверти XVIII в.

¹⁶ Недавно была предпринята попытка сформулировать некоторые исследовательские аспекты этой проблемы: *Копелев Д. Н.* 1812 год: «Заложники» войны и натурализация иностранных офицеров российского флота // 185 лет Отечественной войне 1812 года. Самара, 1997. С. 117–119.

¹⁷ В сухопутной армии такими вопросами в XVII в. ведали Иноземский приказ, в начале XVIII в. особое повытье Приказа военных дел, с учреждением Военной коллегии — один из секретарей ее канцелярии, а в 1798–1812 гг. специальная Иностранная экспедиция этой коллегии (Государственность России: Словарь-справочник. М., 1999. Кн. 2. С. 117–118). В структуре Адмиралтейств-коллегии подобное подразделение пока не обнаружено.

¹⁸ РГАВМФ. Ф. 1089 (Списки чинов флота). Оп. 1, 2.

¹⁹ Эта тема также ждет специального углубленного исследования; некоторые данные см. в кн.: *Масловский Д. Ф.* Офицерский вопрос в XVII в. СПб., 1899; *Бородин А. В.* Иноземцы — ратные люди на службе в Московском государстве. Пр., 1916.

²⁰ Сводку сведений об этом см.: *Phillips E.* The Founding of Russia's Navy: Peter the Great and the Azov Fleet, 1688–1714. Westport (Connecticut); London, 1995. P. 18–28.

²¹ Ibid. P. 64–66, 132, 138–139.

²² *Кротов П. А.* 1) Голландские моряки в русском флоте при Петре I. С. 31–32; 2) Немцы в российском флоте при Петре Великом // Немцы в России: Люди и судьбы. СПб., 1998. С. 121–122.

²³ Об этом см.: *Кротов П. А.* Российский флот на Балтике при Петре Великом: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1999. С. 32–33; *Хуссен А.* Устав морской царя Петра Великого (1720 г.) // Русский Север и Западная Европа. С. 326–340.

²⁴ См.: *Кротов П. А.* 1) Немцы в российском флоте при Петре Великом. С. 122–123; 2) Российский флот на Балтике при Петре Великом... С. 28.

²⁵ Отметим, что об армии второй четверти XVIII в. такое исследование уже имеется: *Калашников Г. В.* Офицерский корпус русской армии в 1725–1745 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999.

²⁶ О голландском военно-морском флоте в целом см.: *Bruijn J. R.* The Dutch Navy of the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Columbia (South Carolina), 1993; *Unger R. W.* Dutch Shipbuilding before 1800: Ships and Guilds. Amsterdam, 1978.

²⁷ *Финк фон Финкенштейн К. В.* Общий отчет о русском дворе 1748 г. // *Листенан Ф. Д.* Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство 1740–1750. М., 2000. С. 305–306.

²⁸ О деятельности созданной с этой целью в 1730-х годах Военной морской комиссии см.: *Петрухинцев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны: Формирование внутривнутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730–1735 г. СПб., 2001. С. 213–298.

²⁹ *Evans R.* Recruitment of British Personnel for the Russian Service 1734–1738 // *Mariner's Mirror.* 1961. Vol. XLVII. P. 126–137.

³⁰ См. документы: РГАВМФ. Ф. 227 (Высочайшие повеления, рескрипты и указы). Оп. 1. Д. 6. Л. 101–104; Ф. 212 (Государственная Адмиралтейств-коллегия). Оп. 11. Д. 657.

³¹ Подсчет произведен по сводным спискам офицеров, «кто из них в службе быть способен и кто зачем не способен», представленным императору Петру III «Комиссией о российском флоте» при рапорте от 16 марта 1762 г. (РГАВМФ. Ф. 147 (Комиссия Российских флотов и Адмиралтейского правления). Оп. 1. Д. 145. Л. 12–31 об.). О деятельности этого учреждения см.: Морская комиссия Петра III / Подг. к публикации и коммент. К. Л. Козюренко // *Гангут.* СПб., 1998. Вып. 17. С. 15–26. — Биографические данные об А. Е. Шельтингге и И. Крюйсе

см. соответственно: Морской биографический справочник Дальнего Востока России и Русской Америки: XVII — начало XX вв. / Сост. Б. Н. Болгурцев. Владивосток, 1998. С. 206; ОМС. СПб., 1885. Ч. I. С. 195–196. Заметим, что представители морской династии Шельтингов служили в нашем флоте до начала 1920-х годов.

³² См., напр.: *Amburger E.* Die dänischen Offiziere in Russlands Heer und Flotte unter Katharina II // *Personalthistorisk Tidskrift.* 1936. Bd 3. S. 172–201; *Anderson R.* British and American Officers in the Russian Navy // *Mariner's Mirror.* 1947. Vol. XXXIII. P. 17–27.

³³ О Голландии второй половины XVIII в. в целом см.: *Israel J.* The Dutch Republic: It's Rise, Greatness and Fall 1477–1806. Oxford, 1995. P. 998–1066; *The Dutch Republic in the Eighteenth Century* / Ed. by M. C. Jacob, W. Mijndhardt. Ithaca (New York), 1992. Характеристику военно-морского флота Республики 1740–1770-х годов см.: *Glete J.* Navies and Nations: Warships, Navies and State Building in Europe and America, 1500–1860 (Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies in History; T. 48:1–2). Stockholm, 1993. Vol. I. P. 270; Vol. 2. P. 411–412.

³⁴ В российской историографии специальных работ о Я. Х. ван Кинсбергене нет, имеются только переводы и статьи в справочных изданиях. См. его новейшую биографию: *Prud'homme van Reine R.* Jan Hendrik van Kinsbergen 1735–1819, admiraal en filantroop. Amsterdam, 1990.

³⁵ В фондах РГАВМФ хранится много интересных документов по этой теме, включая автографы Я. Х. ван Кинсбергена. Еще в первой половине XIX в. «члены нидерландского посольства получили разрешение от нашего правительства навести справки в русских морских архивах за время пребывания Кинсбергена в нашей службе. Все это выложено его соотечественниками тщательно...» (Кинсберген; Извлечение из биографии / Перев. В. Г. // *Морской сборник.* 1866. Т. LXXXVII. № 12. Неоф. С. I (примеч. переводчика). Мы обнаружили сведения о выполнении в 1821 г. Морским министерством этого запроса: РГАВМФ. Ф. 203 (Военная по флоту канцелярия). Оп. 1. Д. 805а; Ф. 243 (Управление Главного командира Черноморского флота и портов Черного моря). Оп. 1. Д. 1415.

³⁶ ОМС. СПб., 1890. Ч. III. С. 174–175.

³⁷ Биографические сведения о членах рода графов ван Биландт см.: *Biografisch archief van de Benelux.* München, 1997. Mf. 119. P. 241–281.

³⁸ *Neuw Nederlandsch Biografisch Woordenboek.* Leiden, 1918. D. IV. Kol. 383–386; *Biografisch archief van de Benelux.* Mf. 119. P. 260–265.

³⁹ *Biografisch archief van de Benelux.* Mf. 119. P. 279–281.

⁴⁰ Кинсберген; Извлечение из биографии. С. 10–11.

⁴¹ О Голландии 1740–1770-х годов см.: *Israel J.* The Dutch Republic... P. 1067–1097. — Очерк российской внешней политики в отношении западных стран в 1760–1770-х годах см.: *Герасимова Г. И.* «Северный аккорд» графа Панина: Проект и реальность // *Российская дипломатия в портретах.* М., 1992. С. 65–78.

⁴² См., напр., соответствующие разделы в трудах: *Boxer C.* The Dutch Seaborn Empire, 1600–1800. London, 1965; *Dutch-Asiatic Shipping in the 17th and 18th Centuries* / Ed. by J. R. Bruijn et al. The Hague, 1979. Vol. 2: Outward-bound Voyages from Netherlands to Asia and the Cape (1595–1794); Vol. 3: Homeward-bound Voyages from Asia and the Cape to the Netherlands (1597–1795) (Rijks geschiedkundige publ. Gröte ser.; 166, 167); *Costlinga C.* The Dutch in the Carribbean and in the Guianas 1680–1791. Maastricht, 1985; *Feinberg H.* Africans and Europeans in West Africa: Elminas and Dutchmen on the Gold Coast During the Eighteenth Century (Transaction of the American Philosophical Society; Vol. 79. Pt. 7). Philadelphia, 1989.

⁴³ Голландия в союзе с Францией и Испанией приняла участие в войне за независимость США (1775–1783), см. об этом: *Война за независимость и образование США.* М., 1976. С. 309–323; *Schulte Nordholt J. W.* The Dutch Republic and American Independence. Chapell Hill (North Carolina); London, 1982.

⁴⁴ Об этом см.: *Schama S.* Patriots and Liberators: Revolution in Netherland 1780–1813. New York, 1977; *Israel J.* The Dutch Republic... P. 1098–1114.

⁴⁵ См., напр.: *Bode A.* Die Flottenpolitik Katharinas II und die Konflikte mit Schweden und der Türkei: (1768–1792) (Veröffentlichungen des Osteuropa-Institutes München. Reihe Geschichte; Bd 48). Wiesbaden, 1979. S. 41–42.

⁴⁶ Екатерина II и Г. А. Потемкин: Личная переписка 1769–1791 / Издание подготовил В. С. Лопатин. М., 1997. С. 278.

⁴⁷ Там же. С. 260, 262, 269, 271, 272, 277.

⁴⁸ *Uhlenbeck C.* Verslag aangaande een onderzoek in de archieven van Rustand... P. 234–241.

⁴⁹ Джон Пол Джонс, герой континентального флота времен Войны за независимость, действовал против англичан, базируясь в том числе и на голландские порты. См.: *Грибникова И. Н.* Первые шаги по созданию американцами регулярного флота в годы Войны за независимость // *Американский ежегодник за 1975 г.* М., 1975. С. 124–141.

⁵⁰ ОМС. Ч. III. С. 305–306; *Biografisch archief van de Benelux.* Mf. 740. P. 319.

⁵¹ *Biografisch archief van de Benelux.* Mf. 740. P. 320–332; *Six G.* Dictionnaire biographique des généraux et amiraux français de la Révolution et de l'Empire: (1792–1814). Paris, 1934. T. II. P. 354–355.

⁵² МИРФ. СПб., 1895. Ч. XV. С. 104.

⁵³ Там же. С. 114–115, 119.

⁵⁴ Там же. С. 132–134, 212.

⁵⁵ Екатерина II и Г. А. Потемкин: Личная переписка... С. 311, 315.

⁵⁶ А. В. Суворов: Документы. М., 1951. Т. II. С. 399. См. также: А. В. Суворов: Письма / Издание подготовил В. С. Лопатин. М., 1986. С. 149–150.

⁵⁷ МИРФ. СПб., 1890. Ч. XIII. С. 559.

⁵⁸ Там же. С. 519, 521, 522, 547, 549, 550, 556, 667.

⁵⁹ Тучков С. А. Записки // Золотой век Екатерины Великой: Воспоминания. М., 1996. С. 193. Таким образом, согласно свидетельству мемуариста, Я. Х. де Винтер умер 16 августа, но в «Общем морском списке» указано, что он скончался в сентябре 1789 г., правда, числа нет. Возможно, основанием для этого утверждения явилась дата высочайшего рескрипта о награждении за Роченсальм — 22 августа. Вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

⁶⁰ ОМС. СПб., 1890. Ч. IV. С. 558–559.

⁶¹ РГАВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 71. Л. 171.

⁶² См.: Государственность России... С. 38, 129. — Документы Лесного департамента Адмиралтейств-коллегии за 1798–1802 гг. находятся в Российском Государственном историческом архиве (Ф. 379. Департамент государственных имуществ).

⁶³ ОМС. Ч. IV. С. 670; МИРФ. СПб., 1904. Ч. XVII. С. 241.

⁶⁴ ОМС. СПб., 1890. Ч. V. С. 393.

⁶⁵ РГАВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 51. Л. 156–161.

⁶⁶ О взаимном дипломатическом представительстве Голландии и России во второй половине XVIII в. см.: Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год): Часть первая (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания). М., 1894. С. 206–207, 297–298.

⁶⁷ Кислягина Л. Г. Канцелярия статс-секретарей при Екатерине II // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. М., 1991. С. 181–184.

⁶⁸ [Шанц И. И. фон] Первые шаги на поприще морской военной службы: (Отрывок из воспоминаний старого моряка) // Морской сборник. 1865. Т. LXXVII. № 3. Неоф. С. 12–13.

⁶⁹ Биографические сведения об А. М. Пильгарте изложены главным образом по составленному им лично послужному списку: РГАВМФ. Ф. 406 (Послужные и формулярные списки чинов морского ведомства). Оп. 3. Д. 47. Л. 24–27.

⁷⁰ ОМС. СПб., 1885–1907. Ч. I–XIII.

⁷¹ Существует мнение, что первые двенадцать частей «Общего морского списка» составил С. Ф. Огородников (Попов Ан. С. Ф. Огородников: К 80-летию со дня рождения (1835 г. — 25 декабря 1915 г.) // Известия АОИРС. 1915. № 12. С. 431–438). Но во Введении к этому изданию Ф. Ф. Веселаго указал, что в работе участвовали также А. И. Петров «и особенно Н. А. Коргуев» (ОМС. СПб., 1885. Ч. I. С. IV).

⁷² Беснятых Ю. Н. Иностранцы источники по истории России первой четверти XVIII в.: (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л. Ю. Эренмалы). СПб., 1998. С. 337.

⁷³ РГАВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 51. Л. 87.

⁷⁴ См. об этом специальную работу: *Amburger E.* Die Behandlung ausländischen Vornamen im Russischen in neuerer Zeit. Wiesbaden, 1953.

⁷⁵ РГАВМФ. Ф. 172 (Канцелярия вице-президента Адмиралтейств-коллегии генерал-фельдмаршала И. Г. Чернышова). Оп. 1. Д. 393. Л. 69–73.

⁷⁶ МИРФ. СПб., 1893. Ч. XIV. С. 313.

⁷⁷ ОМС. Ч. III. С. 262.

⁷⁸ РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 1. Д. 13. Л. 465; Оп. 2. Д. 8. Л. 244.

⁷⁹ Время производства офицера в чин «в одних документах считалось со дня состоявшегося высочайшего повеления о производстве, в других — с того дня, в который коллегия объявила о производстве...» (ОМС. Ч. I. С. VII–VIII).

⁸⁰ *Israel J.* The Dutch Republic... P. 1115–1130.

⁸¹ См.: РГАВМФ. Ф. 223 (Рукописи Петра Великого и другие документы, поступившие из Адмиралтейств-совета). Оп. 1. Д. 72. Л. 23–26; Ф. 227. Оп. 1. Д. 58. Л. 28–29, 156–158, 189–190; *Uhlenbeck C.* Verslag aangaande een onderzoek in de archieven van Rusland... P. 241–242; Архив Государственного совета. СПб., 1869. Т. I: Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768–1796). Ч. 2. Отделение юридическое. Стб. 378–382, 619–620.

⁸² *Фрейганг А. 2-й.* Ян Ольпгерт Валльян, служивший в русском флоте контр-адмиралом // Морской сборник. 1861. Т. LIV. № 8. Смесь. С. 152–157; ОМС. Ч. III. С. 261; *Biografisch archief van de Benelux.* Мf. 685. P. 287–291.

⁸³ *Фрейганг 2-й А.* Ян Ольпгерт Валльян... С. 155–156.

⁸⁴ *Israel J.* The Dutch Republic... P. 1093.

⁸⁵ Кинсберген: Извлечение из биографии... С. 27.

⁸⁶ *Фрейганг 2-й А.* Ян Ольпгерт Валльян... С. 157.

⁸⁷ См., напр.: *Н. Г.* Воспоминания о жизни и службе адмирала графа Логина Петровича Гейдена // Морской сборник. 1850. Т. IV. № 12. С. 519–536; ОМС. Ч. III. С. 355–358; РБС. М., 1914. Том «Гааг — Гербель». С. 340–342; *Андрюенко В. Г.* До и после Наварина. СПб., 2001.

⁸⁸ См.: *Israel J.* The Dutch Republic... P. 1122–1130.

⁸⁹ РГАВМФ. Ф. 166 (Департамент морского министра). Оп. 1. Д. 187. Л. 13–15 об.

⁹⁰ Там же. Л. 14.

⁹¹ О религии в контексте внутренней политики Российской империи первой четверти XIX в. см.: *Вишленкова Е. А.* Религиозная политика: Официальный курс и «общее мнение» России александровской эпохи. Казань, 1997.

⁹² *Безотосный В. М.* Национальный состав российского генералитета 1812 года // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 66–67.

⁹³ *Копелев Д. Н.* Адьютанство на императорском флоте и остзейские «сети доверия» // Новый часовой. СПб., 2001. № 11–12. С. 14; *Катин-Ярцев М. Ю.* Список остзейских имматрикулированных родов (в русской традиционной транслитерации фамилий) // Летопись историко-родословного общества в Москве. М., 1997. Вып. 4–5 (48–49). С. 148.

⁹⁴ О матрикулах и записи в них дворян не остзейского происхождения см.: *Катин-Ярцев М. Ю.* Балтийско-немецкое дворянство на российской службе: Конец XVIII—начало XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 20.

⁹⁵ Хоруженко О. И. Дворянские дипломы XVIII века в России. М., 1999. С. 115, 120, 122.

⁹⁶ Богданов С. В. Французские дворянские роды в Российской империи: Аспекты доказательства почетных титулов и иностранного дворянства // Проблемы признания и утверждения в правах российского дворянства высших сословий народов Российской империи и иностранных дворян: Материалы к Третьему научному семинару 5–6 апреля 1997 г. СПб., 1997. С. 27–30.

⁹⁷ Копелев Д. Н. 1) Офицеры немецкого происхождения на службе в российском флоте (первая половина XIX в.). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. С. 91, 173; 2) Адъютантство на императорском флоте и острейской «сети доверия». С. 13–14.

⁹⁸ См.: РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 11. Т. 2 (Дела по Канцелярии). Д. 118. Л. 395–420.

⁹⁹ Биографические данные об А.К. Твенте см.: ОМС. СПб., 1892. Ч. VII. С. 289; *Neuw Nederlandsch Biografisch Woordenboek*. Leiden, 1918. D. V. Kol. 978–979; *Biografisch archief van de Benelux*. Mf. 680. P. 73–78.

¹⁰⁰ РГАВМФ. Ф. 203. Оп. 1. Д. 172.

¹⁰¹ Эта история еще ждет подробного исследования, см.: Орлов А. А. Английские моряки на русском флоте в Отечественную войну 1812 г. // Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 192; Копелев Д. Н. 1) 1812 год: «Заложники» войны и натурализация иностранных офицеров российского флота. С. 124–128; 2) Война 1812 г. и «иностраннный легион» российского флота // Империя нового времени: Типология и эволюция (XVI–XX вв.): Вторые Петербургские Кареевские чтения по новистике. Краткое содержание докладов. СПб., 1999. С. 179–184.

¹⁰² Копелев Д. Н. 1812 год: «Заложники» войны и натурализация иностранных офицеров российского флота. С. 122.

¹⁰³ См.: РГАВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 222.

¹⁰⁴ Безотосный В. М. Национальный состав российского генералитета 1812 года. С. 68.

¹⁰⁵ Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. / Публикация В. М. Безотосного // Российский архив. М., 1996. Вып. VII. С. 353, 525–526, 565–566, 570.

¹⁰⁶ Известно, например, что в начале 1790-х годов породнились семейства ван Биландтов и Твентов (*Neuw Nederlandsch Biografisch Woordenboek*. Leiden, 1914. D. III. Kol. 188–189).